№ 21. 19-ое МАЯ 1878 ГОДА. ГОДЪ XX.

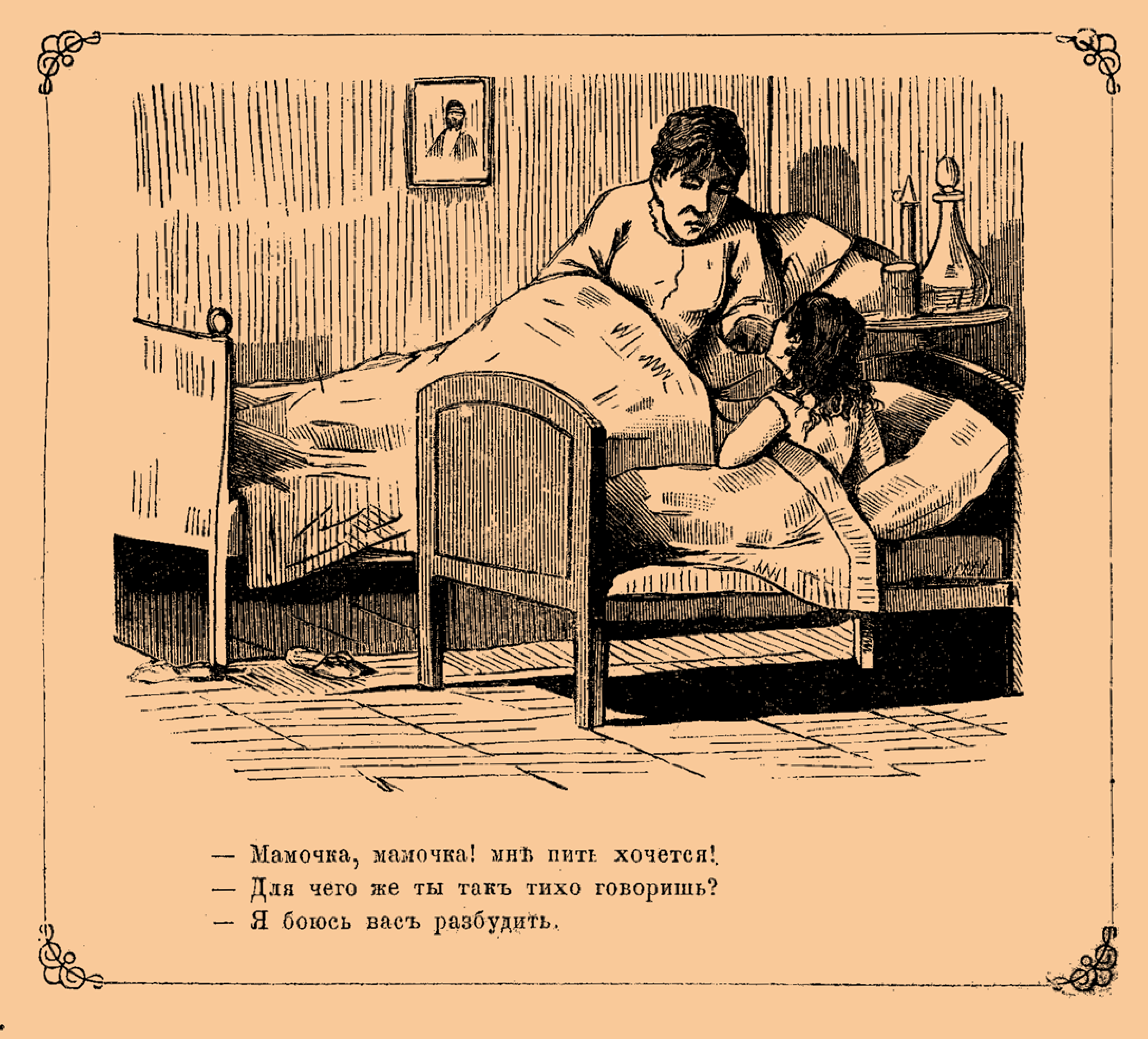

Подписка на журналъ продолжается.

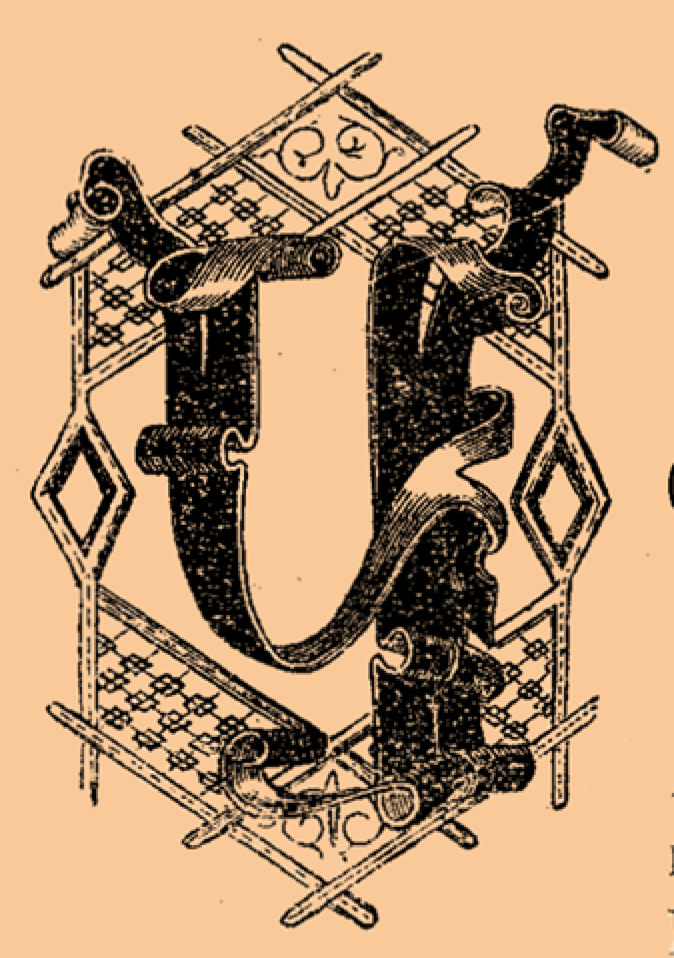
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп., съ перес. 20 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер., д. Миллера. Каждая перемѣна адреса 20 коп., при этомъ отъ иногороднаго нужно представить прежній печатный адресъ.

Объявленія принимаются съ платою по 15 коп. за строку, или за квадратный дюймъ.

— Мамочка, мамочка! мнѣ пить хочется!
— Для чего же ты такъ тихо говоришь?
— Я боюсь васъ разбудить.

АДВОКАТА

(сцены изъ московской жизни).

Утро. Одиннадцать часовъ. Адвокатъ у себя въ кабинетѣ пьетъ чай и чиститъ ногти. Въ передней слышенъ звонокъ. Входитъ лакей и докладываетъ, что какой-то купецъ желаетъ хозяина видѣть.

— А какъ онъ назвалъ себя?

— Фамиліи не сказалъ, а зовутъ, говоритъ, Прохоръ Гаврилычъ.

— Такъ поди спроси фамилію, а то не изъ кредиторовъ ли вчерашняго конкурса. Боюсь я ихъ: побить обѣщались.

Лакей уходитъ въ переднюю и снова возвращается.

— Фамиліи не говоритъ. Я, говоритъ, самому скажу.

— Ростомъ онъ великъ?

— Нѣтъ, такъ себѣ.

— Ну, пусти! Станетъ драться, вдвоемъ сладимъ.

Спустя нѣсколько времени, входитъ купецъ, одѣтый по-русски, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Въ рукахъ шляпа и фуляровый платокъ. Онъ утираетъ обильно струящійся потъ.

— Вы, ваше благородіе, извините, что я своей фамиліи не сказалъ-съ. Халуи энти тоже вѣдь народъ. Таперь можетъ у меня такое дѣло, что секрету требуетъ, а онъ, узнамши фамилію, пойдетъ да разболтаетъ.

— Совершенно вѣрно-съ. Прошу садиться.

— Позвольте-съ допрежъ познакомиться: Прохоръ Гавриловъ Платошниковъ. Торгуемъ въ городѣ посуднымъ товаромъ.

— Очень пріятно. Прошу садиться. Не угодно ли папироски?

— Нѣтъ, не потребляемъ. Съ малолѣтства къ этому грѣху не привыкли.

— По какому же вы дѣлу?

— Изволите видѣть, дѣловъ само по себѣ много и для вашего брата самый первый сортъ, а только я таперича не знаю, какъ мнѣ съ вами по откровенности говорить али нѣтъ.

— Что же вамъ мѣшаетъ? говорите.

— Оно такъ-то такъ, да народъ вашъ очень ужь жуликоватъ... Извините-съ, это я про другихъ. Скажешь имъ все, какъ есть священнику на духу, а онъ тебя продастъ. У васъ энтова обыкновенія нѣтъ?

— Нѣтъ, я веду дѣла по чести, какъ слѣдуетъ.

— Ей-богу?

— Вѣрно вамъ говорю.

— Ну, ладно. Дѣловъ у насъ много, потому окромя меня еще два сына есть въ моемъ семействѣ, натура въ нихъ и дикость вся наша и никакимъ то-ись манеромъ ихъ не уймешь.

— Что же они буяны что ли?

— Не буяны, братецъ ты мой, а круты очень. Чуть что не такъ—въ рыло. Говорю, всѣ въ тятеньку. Намедни двухъ покупателей избили. Положимъ, по дѣломъ, я и самъ бы это сдѣлалъ; а третьяго дни шкандалъ въ трактирѣ надѣлали. Страсть что за народъ!

— Да вы бы ихъ услали куда нибудь.

— Нельзя. Къ торговому дѣлу очень ловки. Теперича, повѣришь ли, братецъ ты мой, у меня въ кабинетѣ во какая груда законовъ лежитъ.

— Для чего же это?

— А для того: чуть какое дѣло, сичасъ я справку, во што оно обойдется по закону.

— Ну и что же?

— Ну и плачу́.

— Они что же, женатые?

— Нѣтъ, холостые. Теперь я тебѣ скажу: подводилъ я итоги за прошлый годъ по штрафамъ за нихъ и три тысячи начелъ, окромя меня.

— А развѣ вы-то тоже?...

— Случается.—И купецъ вздыхаетъ тяжко.—Вчерась такъ одного цирюльника избилъ, что страсть!

— За что же? Какъ же вамъ не стыдно?

— А за то, что вздумалъ онъ мнѣ усы чуртъ его знаетъ какой нечистью мазать. Усы энто, братъ, такое мѣсто, что мимо ихъ всякая пища идетъ, а онъ, дьяволъ его возьми, мазать ихъ.

— Такъ собственно зачѣмъ же вы ко мнѣ-то?

— Сичасъ я вамъ все это выложу. Ужь дозвольте папироску, погрѣшу, только вы никому не сказывайте, а то какъ мы по старой вѣрѣ, такъ запретъ на эти сюжеты.

— Хорошо, хорошо, не скажу.

— Такъ вотъ видите. Разсудимши и разсчитамши всѣ эти капиталы, что мы въ годъ мировымъ по штрафамъ и замиреніямъ платимъ за наши безобразія и дикости, какъ теперича, собственно, этакіе альбомы въ копейку становятся, мы и предположили, штобы намъ теперь постояннаго абвоката имѣть, тысь на годъ.

— Что-жь, это хорошо.

— Погоди, не мѣшай. Таперь опосля кажнаго дѣла отдерешь сыновей за вихры, либо завиве имъ сдѣлаешь, а все-таки штрафы платишь, такъ надо полагать, что съ абвакатомъ вести ихъ будетъ выгоднѣе, потому мо-

жетъ и оправитъ тебя совсѣмъ, или штрафы уменьшитъ, потому самому, что вѣдь ты, братецъ ты мой, на законахъ сидишь и закономъ закусываешь. Такъ?

— Вѣрно. Ну дальше.

— Такъ вотъ я затѣмъ и пришелъ, чтобы, значитъ, тебя на годъ нанять въ качествѣ постояннаго защитника для меня и собственноручныхъ сыновей моихъ.

— Гмъ! А дѣловъ у васъ много бываетъ?

— По расположенію.

— Позвольте однако. Если вы будете знать, что у васъ постоянный защитникъ, вы пожалуй каждый часъ будете скандалы дѣлать.

— Зачѣмъ же, сударь, кажный часъ. Это оченно много. Не кажный часъ мы пьемъ-то. Теперь, напримѣръ, въ ярмарку уѣдемъ, дѣловъ тебѣ никакихъ.

— А тамъ-то?

— Въ Нижнемъ-то? Тамъ плёвое дѣло: далъ красненькую и шабашъ, хоть на дню пять разъ безобразничай. Опять же Ирбитская тоже.

— Ну, пожалуй вы по пріѣздѣ-то наверстываете потерянное. Такъ вы желаете меня пригласить на годъ?

— Да-съ, хоть съ нынѣшняго числа. Какая же ваша цѣна будетъ? Вы, сударь, по-божески, какъ слѣдуетъ, много не запрашивайте. Я къ вамъ собственно по рикомендаціи: Степанъ Пантелеевъ Плошкинъ говорилъ.

— Да, я его знаю. Велъ у него дѣла какъ-то.

— Такъ сколько же прикажете?

— Дайте секунду подумать... Сколько разъ въ мѣсяцъ вы упражняетесь?

— Въ чемъ-съ?

Адвокатъ показываетъ кулакъ.

— Какъ прійдется,—раза-два, три.

— А сынки?

— Сынишки—тѣ побольше. Да что говорить: всего то разъ десять въ мѣсяцъ наберется. У мироваго разъ пять, а остальное миромъ кончаемъ.

— Однако вы по многу очень безобразничаете.

— Нельзя: карахтеръ такой.

— Что же мнѣ съ васъ взять? Вотъ что: по три тысячи въ годъ...

— Шш, и не кончай, и не договаривай! Ты знаешь ли, что я за эту цифру сдѣлаю?... Легко сказать, три тыщи. Разговору у тебя будетъ на грошъ, а заломилъ этакую припорцію.

— Найдите подешевле.

— Чего искать. Я и самъ пробовалъ своихъ сыновей защищать.

— Ну и что же?

— Ну и тоже, что пустяки, только то, что отъ лавки отвлекутъ. Нѣтъ, во што: бери ты... давай руку... Бери ты съ меня честно, благородно тыщу цѣлковыхъ и шабашъ.

— Нѣтъ, это не подойдетъ.

— Не подойдетъ? А ты не ломайся, я могу тебя своимъ знакомымъ порекомендовать.

— Это все хорошо, только разсудите сами, что за деньги три тысячи для васъ?

— Оно конечно не великія деньги, а не дамъ, ей-ей не дамъ. Да ты подружись съ сынишками-то, такъ узнаешь, что за народъ, даромъ будешь защищать. Они наукамъ обучались. Такъ не берешь тыщу?

— Нѣтъ.

— Ну, чортъ съ тобой, пятьсотъ накину и чтобы завтра же приступить.

— Не могу.

— Одначе вы, ваше благородіе, будьте помягче, а то вѣдь я уйду, упустишь покупателя, послѣ самъ на себя пеняй.

— Что же дѣлать.

— Ну, а ежели я еще сервизъ фаянцовый накину и тогда не возьмешь?

— Я скажу вамъ сразу, что менѣе двухъ съ половиною тысячъ, изъ которыхъ пятьсотъ впередъ, я не возьму.

— Да-а? И впередъ еще? А ежели ты скроешься?

— Это съ пятью стами рублей-то? Что вы! Стоитъ ли того?

— Это дѣвствительно, что не стоитъ. Прощайте, сударь, я больше какъ полторы да фаянцовый сервизъ не дамъ.

— Не могу согласиться.

Купецъ уходитъ и возвращается черезъ минуту.

— Милый человѣкъ, умилосердись. Не ломайся. Тебѣ меня пожалѣть надо, видишь, въ какомъ несчастіи человѣкъ, а ты прижимаешь... Не берешь... — Купецъ вынимаетъ пять радужныхъ изъ туго набитаго бумажника.—Вотъ пятьсотъ, а полторы послѣ, больше ни, ни...

— Я разъ сказалъ, что не могу менѣе двухъ съ половиною тысячъ.

— Тьфу ты пропасть! Провались ты совсѣмъ!

— Вы полегче, не ругайтесь.

— Какъ же не ругаться? Человѣку нажить даешь, а онъ... Вотъ что, накину я сотнягу и шабашъ... Не берешь?

— Нѣтъ, это и говорить не стоитъ.

— Бери, а то вѣдь уйду, ворочать будешь, не вернусь.

— Съ Богомъ.

Купецъ долго смотритъ на адвоката.

— Получай! Твое счастье! Давай росписку, что получилъ пятьсотъ цѣлковыхъ.

— Извольте.

— Тебя какъ по имени?

— Василій Васильевичъ.

— И ладно; ты, Вася, завтра же и начни. Дѣловъ съ пятокъ ужь есть.

— Э? Такъ мы къ нотаріусу пойдемъ, условіе заключимъ. А?

— Ходитъ, а опосля въ трактиръ. Согласенъ?

— Хорошо. Я сейчасъ одѣнусь.

— Погоди! А какъ ты, Вася, насчетъ конкурсныхъ дѣловъ? Понимаешь?

— Ну вотъ еще. Зачѣмъ это вы спрашиваете?

— А на случай понадобится, чтобы къ чужимъ не ходить.

— Обдѣлаемъ все. Только это въ это условіе не входитъ.

— Само собой! Это особь и это особь. Важно. Таперь я совсѣмъ спокоенъ. Одѣвайся, поѣдемъ.

А. Д—жій.

Вшакова зида по лопатѣ

ШАМОВА УДИВИТЕЛЬНАВА ЗИДОВШКАВА ОПЕРА УВЪ ТРЕХЪ АКТУВЪ; ИЗЪ МОТИВЫ ОТЪ РАЖНЫХЪ КАМПАЖИТОРОВЪ, ПЕРЕДѢЛАЛЪ МОВША ВАШЕНКОПФЪ.

(Продолженіе).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Зъ большова рошкосносцью уштроенная квартира Иванова. Якъ тольке жанавѣска начинаютъ подниматься, Рахиль сидютъ увъ крешлѣ и спиваетъ зъ вишелостью.

Рахиль. Матучке, голюбучке,
Зольнышке мою,
Пашматри позалишта
На Рахиль шваю.
Мои обштаятельштва
Оцень хороши,
Жа таво Машкву Рахиль
Любитъ отъ души.

(*Задумывается, потомъ встаетъ и ходитъ по комнатѣ*).

Все завшѣмъ хорошо, але нузно, пока ештъ возможносць жаробить чево нибудь больсе. Гишпидинъ Ивановъ шильно любитъ мене, а всендзе я куповала шоби весци и штрахаюсь шказать ему... Какъ этова иждѣлать?... Онъ шкоро придутъ до дому и шкоро принешутъ весци зъ магажина... Нузно будитъ чево нибудь уштроить... Ай! Онъ уже пришелъ!... Иждѣлаю... завяжу шибѣ зубъ... (*Завязываетъ платкомъ зубы и садится въ кресло. Входитъ Ивановъ, разстроенный, и первое время не замѣчаетъ Рахили*).

Ивановъ. (*Музыка изъ «Запрещеннаго плода»*).

Полюбилъ я биржу страстно,
Къ ней охоту получилъ,
Но увидѣлъ, что прекрасно
На еврея наскочилъ!
Поклялся и далъ я слово
Все до тонкости узнать
И затѣмъ уже сурово
Компаньона наказать.
Ну, скажите, меньше года
Съ нимъ дѣла вести я сталъ
И такая вдругъ невзгода—
Весь ухлопалъ капиталъ!
Велъ еврей мое все дѣло,
Барыша я долго ждалъ
И для пользы дѣла смѣло
Документовъ надавалъ.
Барышей мы ждали горы,
Въ результатѣ-жь каково—
Денегъ просятъ кредиторы,
А наличныхъ—ничего!
А Штукмейстеръ, мнѣ сказали,
Весь устроивши содомъ,
Дней пятокъ тому, не далѣ,
Пріобрѣлъ въ столицѣ домъ.
Поклялся и далъ я слово
Все до тонкости узнать
И затѣмъ уже сурово
Компаньона наказать!

Рахиль. Ой!

Ивановъ (*оглядываясь*). А! Рахиль, ты здѣсь была? извини пожалуйста, я тебя и не замѣтилъ. Да что это съ тобою? (*подходитъ къ ней*).

Рахиль. Ть-ой! я завшѣмъ неждарова.

Ивановъ. Да что такое съ тобою?

Рахиль. Жуби оцень больно.

Ивановъ. Что же ты простудилась что ли?

Рахиль. Не жнаю, може проштудилась, може такъ съ чего нибудитъ.

Ивановъ. (*Музыка изъ «Русалки»*).

Вотъ то-то всѣ вы, дамы молодыя,
Посмотришь, мало толку въ васъ,
Не ждалъ, ей-ей, такой бѣды я,
Чтобъ ты болѣла въ этотъ часъ.

Рахиль (*изъ Периколы*).

Завшѣмъ потирала я шилы
Отъ етава боли, не лгу,

Тибя бешпакою я, милый,
Но больсе штрадать не могу.
Опять мои жуби жанили,
Жъ глазами не вижу ни зги
Ой больно, мой милый, Рахили
Шкарѣй цѣмъ нибудь помоги.

Ивановъ (*кричитъ въ дверь:*). Эй, кто тамъ есть? Бѣгите за дантистомъ! Зубнаго врача зовите скорѣй!

Ивановъ (*изъ «Чайнаго цвѣтка»*).

Милый другъ мой, успокойся,
Все устроится сейчасъ,
Не тревожься и не бойся—
Докторъ вылѣчитъ какъ разъ!
Есть лѣкарствъ у нихъ довольно,
Врачъ къ больному лишь придетъ—
Гдѣ здорово—будетъ больно,
И гдѣ больно—тамъ пройдетъ!

Лакей (*входя*). **Докторъ пріѣхалъ.**

Ивановъ. Проси. (*Входитъ Берка Мейеръ*).

Ивановъ (*въ сторону*). **Опять жидъ! Тьфу ты, чортъ васъ возьми! Ну, да теперь выбирать некогда.**

Мейеръ (*музыка таже*).

Я къ ушлугамъ вамъ ижвольте,
Жавираю, мцалша вскацъ...

Ивановъ.

Кто же вы, узнать позвольте?

Мейеръ.

Ижъ Америка я врацъ.

Ивановъ.

Докторъ, видѣть васъ пріятно,
Помогите. (*Указываетъ на Рахиль*).

Мейеръ.

Ой заразъ,
Помогу больной—понятно,
Медичина вша для насъ!

Мейеръ (*подходитъ къ Рахили*). Што болитъ у васъ?

Рахиль. Жуби.

Мейеръ. Жнаю—жуби, але нузно пашматрѣть.

Рахиль. Пашматрите. (*Разѣваетъ ротъ*).

Мейеръ (*смотря зубы, говоритъ въ сторону:*). Завшѣмъ хорошіе, ждаровые жуби, нно тѣмъ луцце—шкорѣй мозно вилѣцивать. (*Рахили*). Я вамъ заразъ дамъ палашканью (*вынимаетъ изъ кармана флаконъ и подаетъ ей*). Вотъ изъ этова палашканье жуби васи шкоро пройдутъ.

Рахиль. Благодарю васъ.

Ивановъ (*подавая деньги*). Благодарю васъ, докторъ.

Мейеръ (*взявъ деньги*). До видженья. (*Уходитъ*).

Ивановъ (*Рахили*). Ну, ступай же, душа моя, полоскай твои зубы.

Рахиль (*вставая*). Сейчасъ. Мнѣ би нузно шказать тебѣ нѣшкалька шловъ.

Ивановъ. Что такое?

Рахиль. Ты може бить ражсердисся.

Ивановъ. Нѣтъ, нѣтъ не разсержусь, говори.

Рахиль (*«Черная шаль»*).

Вцира на Кужнецкомъ машту я била,
Въ магажинъ отлицный я тамъ жабрела,
Вещицъ тамъ ражлицныхъ рѣсилась купить,
Жа нихъ нузно деньги тебѣ жаплатить.
Шиводни комми зъ магажина придетъ,
Покупки со сцетомъ шуда принешетъ!
Рахиль ты шваю, милый другъ, мой прости
И деньги по сцету ему жаплати.

Ивановъ.

Кузнецкій мостъ—слабость, ей-богу, для васъ.
На сколько купила? скажи мнѣ сейчасъ.

Рахиль.

Ой жуби! отъ нихъ я лишилась ума,
На школько купила—не жнаю сама.

Ивановъ.

Ступай, полоскай, о покупкѣ молчу,
Пусть вещи приносятъ, я все заплачу.

(*Слышенъ звонокъ, Рахиль поспѣшно уходитъ входитъ лакей*).

Лакей. Изъ магазина пришли.

Ивановъ. Проси.

(*Лакей уходитъ, входитъ Шельмензонъ*).

Ивановъ. Опять жидъ! Это чортъ знаетъ что такое!

Шельмензонъ. Ждраствуйте.

Ивановъ. Мое почтеніе.

Шельмензонъ. Шюда прикажано принести вещи и сцетъ?

Ивановъ. Сюда. Давайте счетъ.

Шельмензонъ (*подавая счетъ*). Жвольте.

Ивановъ. Ого! Итогъ довольно солидный. Вы за все взяли очень дорого.

Шельмензонъ. Завшѣмъ нѣтъ, гишпидинъ, я продалъ вше шибѣ въ убитокъ. (*Въ передней звонокъ*).

Ивановъ (*отдавая деньги*). Ну мнѣ некогда толковать съ вами, берите деньги и убирайтесь.

Шельмензонъ. Жвольте, гишпидинъ. (*Убираетъ деньги и раскланивается*). До швиданья! (*Уходитъ*).

Ивановъ. Прощайте. (*Входитъ Штукмейстеръ*).

Ивановъ. (*Изъ «Прекрасной Елены»*).

Я обманутъ, побожиться,
Не прощу я вамъ того,

Изъ-за васъ пришлось лишиться
Капитала мнѣ всего.
Вами я опутанъ чисто,
Но процессомъ поспѣшу
И столичнаго юриста
Противъ васъ я приглашу (bis).

Штукмейстеръ.

Што ви шмотрите невѣрно,
Докажать я буду радъ—
Што пошли дѣла всѣ шкверно,
Въ этомъ я не виноватъ.
Я дусой билъ радъ штараться,
Оборотъ цтобъ больсе шталъ,
Но въ коммерціи теряться
Оцень мозетъ капиталъ. (bis).

Ивановъ.

Во томъ, что вы дѣлецъ примѣрный,
Можно биться объ закладъ,
Оттого и вышелъ скверный
Для меня тутъ результатъ.
Нашъ итогъ лишь сосчитался,
Оказалося, увы!
Что съ долгами я остался,
Домъ въ Москвѣ купили вы.

(*Въ передней звонокъ, входятъ кредиторы*).

1-й кредиторъ. (*Музыка: «Моряки»*).

Вы забралися въ задорѣ,
Что же вышло изъ того,
Что въ уплату намъ на горе
Не досталось ничего.

Хоръ кредиторовъ.

Такъ мы дѣла не оставимъ,
И всѣмъ просьбамъ не внемля,
Въ судъ Коммерческій представимъ
Ко взысканью векселя.

Ивановъ.

Господа, скажу межъ нами,
(*Указывая на Штукмейстера*).
Виноватъ во всемъ вотъ онъ;
Путая меня дѣлами,
Обобралъ компаніонъ.

Хоръ кредиторовъ.

Что намъ знать, какъ вы попались,
Что до всей намъ кутерьмы?—
Вы у насъ кредитовались,
Съ васъ и деньги просимъ мы.

Штукмейстеръ.

Гишпида, хоть онъ сциталея
Въ дѣлѣ мнѣ компаніонъ,
Но одинъ кредитовался
И платить обяжанъ онъ.

Хоръ кредиторовъ.

Дѣла нѣтъ до вашихъ споровъ
Ни малѣйшаго вѣдь намъ,
Безо всякихъ разговоровъ
Ждемъ уплатъ по векселямъ.

Ивановъ (*бросаясь на Штукмейстера. Музык «Вдоль да по рѣчкѣ»*)

Я едва собою въ ярости владѣю
И рукамъ лишь волю дамъ,
Я тебѣ канальѣ, я тебѣ злодѣю
Трепку славную задамъ! (*толкаетъ его*).
Ну скорѣй отсюда, можешь убираться,
Грязный путаникъ, вампиръ!

Штукмейстеръ.

Чи это прилицно? Чи возмозно драться?
Штосъ это такова, ой, вай міръ! *Убѣгаетъ*).

Ивановъ. Эй! (*Входитъ лакей*).

Лакей. Что угодно?

Ивановъ. Сейчасъ пригласи сюда адвоката.

Лакей. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Хоръ кредиторовъ. (*«Заходили чарочки по столикамъ»*).

Мы хотя случайно тутъ попалися,
Вдоволь надъ евреемъ посмѣялися!
Ай жги, жги,
Говори, говори,
Говори да поговаривай!
Вотъ, ей-ей, потѣшная компанія,
Не найдешь удачно ей названія.
Ай жги, жги,
Говори, говори,
Говори да поговаривай!

Лакей. Адвокатъ пришелъ.

Ивановъ. Проси.

(*Лакей уходитъ, входитъ Шахеръ-Махеръ*).

Ивановъ. И это жидъ! Да что же это такое!
Сперва въ отвѣтѣ мнѣ не откажите,
Кто вы такой, скорѣе мнѣ скажите,
Повѣреннымъ чтобъ васъ къ себѣ принять,
Кто вы такой, я долженъ разузнать.

Шахеръ-Махеръ.

Меня въ шталицѣ оцень уважаютъ,
Мнѣ казній день довѣрье умножаютъ,
Патента я давно имѣю лиштъ,
Я знацитъ патентованный юриштъ.
Веду дѣла давно,
Какія—вше равно.
Я могу вамъ слузить
Цтобъ немнозко назить.

Ивановъ. Ну, отлично! Я вамъ сейчасъ разскажу все дѣло.

Шахеръ-Махеръ. Жвольте я шлюхаю.

Ивановъ. (*Изъ «Птичекъ пѣвчихъ»*).

Не говоря худаго слова,
Сошелся я съ однимъ жидомъ,
Не для чего нибудь инаго,
Но чтобъ открыть торговый домъ.
Полгода дѣло завязалось,
Я ждалъ большаго барыша,
Но на повѣрку не осталось—
Мнѣ ни гроша, мнѣ ни гроша.
Мой капиталъ къ жиду попался
И вамъ признаюсь не тая,
Въ долгахъ нежданно оказался
Теперь какъ въ вершѣ щука я.
Вотъ въ трехъ словахъ мое признанье,
Извольте дѣло изучить
И приложите все старанье,
Чтобъ проучить, чтобъ проучить!

Шахеръ-Махеръ.

За васе дѣло я возьмуся,
Помоць вамъ въ горѣ оцень радъ,
Я патентованный зовуся,
Не даромъ, вѣрьте, адвокатъ.
Кто васъ обидѣлъ, я шпигаю,
Да, это вѣрно, онъ вжреветъ,
Но але всендзе полуцаю
Я цасть впередъ, я цасть впередъ.

Ивановъ. Ну, это ничего, можно и впередъ дать.

Шахеръ-Махеръ. (*Финалъ втораго акта изъ «Роберта»*.

Въ жако, въ жако, въ жаконъ шибѣ ми штавимъ
Въ пере, въ пере, въ передъ цасть полуцить,
Такъ дѣ, такъ дѣ, такъ дѣла не оставимъ,
Его, его, его цтобъ проуцить!

Ивановъ (*давая деньги*).

Въ зако, въ зако, въ законъ себѣ поставимъ
Вамъ дѣ, вамъ дѣ, вамъ дѣло поручить,
Проце, проце, процесса не оставимъ,
Жида, жида, жида чтобъ проучить!

Хоръ кредиторовъ.

Въ зако, въ зако, въ законъ себѣ поставимъ
Его, его, его мы проучить,
Такъ дѣ, такъ дѣ, такъ дѣла не оставимъ
Чтобъ де, чтобъ де, чтобъ деньги получить!

(*Вмѣстѣ*).

(*Занавѣсъ*).

Мовша Вашенкопфъ.

(*До слѣдующ. №*).

Супружеская яичница

съ натуры.

Бывали ли вы когда нибудь въ общихъ квартирахъ, отдаваемыхъ по угламъ и конуркамъ съемщиками? Знакома ли вамъ картина этихъ темныхъ комнатъ-подваловъ, раздѣленныхъ грубыми, неостроганными досчатыми перегородками? Тамъ у общей печи цѣлый день слышатся визгливыя пререканія женщинъ квартирантокъ, тамъ пьяное отребье человѣчества совершаетъ свои грязныя оргіи, топя въ винѣ сознаніе безвыходности своего положенія и иногда воспоминаніе о когда-то лучшей, но надломленной и загубленной жизни. Тамъ царитъ вѣчный смрадъ и сырость, туда, въ эти общественные клоаки, загоняетъ жизнь своихъ неудачниковъ, тамъ кажется притупляются всѣ чувства, кромѣ чувства голода и злости.

Войдемъ въ одну изъ этихъ общихъ квартиръ.

Громадная, темная, сырая комната въ подвальномъ этажѣ, раздѣлена дощатыми перегородками на коморки. У находящейся среди этого подвала огромной печи толкутся бабы, перекрикиваясь и переругиваясь между собою.

Вотъ грязная, безобразная женщина отходитъ отъ печи, неся на грязномъ деревянномъ кружкѣ сковороду съ шипящей на ней яичницей. Коморка, въ которую вошла женщина, грязна и темна, какъ и ея обитательница. Какъ я уже сказалъ, женщина эта безобразна, безобразна до послѣдней возможности. Но и она не чужда страстей, присущихъ всему человѣчеству. Она имѣетъ мужа и обманываетъ его, имѣя любовника, стараго, отставнаго солдата Ѳаддеича. Заработавъ лишніе гроши, она приготовила яичницу и полуштофъ водки, желая провести часъ-другой въ бесѣдѣ съ другомъ сердца и конечно закончить бесѣду потасовкою. Приготовивъ на колченогомъ столикѣ аксесуары предполагаемаго пиршества, женщина торопливо ушла искать своего рыцаря Ѳаддеича.

День этотъ былъ праздничный и служащій гдѣ то въ дворникахъ супругъ моей героини въ свою очередь тоже направилъ стопы свои въ гости къ супругѣ. Мужъ подозрѣвалъ объ интригѣ жены, но или не имѣлъ вѣскихъ доказательствъ ея коварства, или просто не считалъ нужнымъ вступаться за свои поруганныя права, только супруги жили по своему ладно и не безпокоили одинъ другаго.

Мужъ явился какъ разъ во время отсутствія супруги.

— Эхъ! нѣтути! почесывая затылокъ, произнесъ онъ, увидавъ запертую дверь и осматриваясь.—Надоть думать ушла куды нибудь,—справедливо заключилъ онъ, подавая

впередъ дверь, запертую вдѣтымъ въ колечки замочкомъ. Дверь подалась и въ образовавшуюся щель нежданный посѣтитель-мужъ увидалъ красовавшіяся на столѣ полуштофъ и яичницу. Было ли сильно искушеніе желудка, заговорила ли ревность, но только, не думая долго, супругъ безъ труда выдернулъ колечко, вошелъ въ коморку и, ругнувъ приличнымъ образомъ супругу, засунулъ въ карманъ армяка полуштофъ, взялъ подъ полу сковороду съ яичницей и ушелъ какъ ни въ чемъ не бывало, вновь устроивъ какъ было колечко.

Едва успѣлъ исчезнуть съ яичницей и полуштофомъ супругъ, какъ явилась съ Ѳаддеичемъ вѣроломная супруга. Ѳаддеичъ, предвкушая сласть выпивки и закуски, съ чувствомъ понюхивалъ изъ тавлинки «самъ-тре», пока дама его сердца отпирала дверь коморки.

Представьте же себѣ удивленіе этихъ дамы и кавалера, когда, войдя въ коморку, они увидали, что яичница и полуштофъ исчезли!...

— Батюшки! да гдѣ же это? крикнула дама.

— Чего? спросилъ Ѳаддеичъ, засовывая въ карманъ тавлику.

— Да яичница и полуштофъ! Вотъ тутъ, эвота, на столѣ стояли...

— И гдѣ-же они?... Пыщи гдѣ нибудь, проговорилъ гость, обводя глазами коморку.

Хозяйка хотя и была убѣждена, что яичница и полуштофъ поставлены ею были на столъ, но какъ бы для успокоенія совѣсти, обыскала всѣ углы коморки, заглянула даже и подъ кровать—яичницы и полуштофа нигдѣ не было!

Ѳаддеичъ обманулся жестокимъ образомъ и счелъ нужнымъ вломиться въ амбицію, начавъ съ укоромъ и брани, окончивъ тѣмъ, что задалъ потасовку своей дамѣ.

Супругъ же, выпивъ водку и скушавъ яичницу, не удовольствовался этимъ и закончилъ нежданный пиръ стаканомъ водки, заложивъ за него сковороду.

Оскорбленная и побитая Ѳаддеичемъ дама подняла крикъ на весь домъ. Подозрѣвала почти всѣхъ своихъ сосѣдей, ругалась, наводила справки и наконецъ узнала, что въ ея отсутствіе приходилъ мужъ.

— Это никто, какъ онъ мошенникъ, это онъ каторжный! причитала супруга.

Осмотръ кольца убѣдилъ ее въ справедливости ея предположеній. Каверза, устроенная супругомъ, была слишкомъ серьезна и не могла пройти безнаказанно. Что же вы думаете, чѣмъ кончилось эта буря въ акваріумѣ?—Возникло три дѣла по обвиненію: мужа—въ кражѣ со взломомъ, кабатчика—въ принятіи краденаго и жены—въ невѣрности! Кабатчикъ угодилъ подъ арестъ и лишился патента, жена подвергнута была церковному покаянію и одинъ только мужъ былъ оправданъ и безнаказанно выпилъ вмѣсто Ѳаддеича водку, закусивъ ее яичницею.

Не правда ли, что иногда малыя причины влекутъ большія послѣдствія?

Шапка-Невидимка.

СОВРЕМЕННАЯ БАЛЛАДА

„Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?“
Гётё.

Кто скачетъ, кто мчится на тройкѣ лихой?
Ямщикъ разъудалый, съ нимъ спутникъ младой,
Въ пальто завернувшись, главою поникъ;
Лошадокъ стегаетъ ужасно ямщикъ.

— Скажи, что такъ робко ты смотришь кругомъ?—
— Тамъ, кажется, сыщикъ стоитъ за бугромъ:
Одѣтъ онъ хоть штатскимъ, его я узналъ.
— О нѣтъ, то туманъ лишь надъ озеромъ палъ.—

«Эй ты, поверни-ка на тройкѣ ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Съ тобой подружившися, мы заживемъ
И чашу веселья до дна изопьемъ!»

— Ямщикъ! это сыщикъ со мной говоритъ,
Но вретъ онъ, лети, онъ меня не прельститъ.
— Да нѣтъ, сударь, право, ослушался ты:
То вѣтеръ колышетъ ракиты кусты.—

«Ко мнѣ, мой дружочекъ! въ квартирѣ моей
Узнаешь услужливыхъ ты бутарей;
Съ тобою мы будемъ въ картишки играть
И на твои денежки пить и гулять.»

— Смотри, братъ: тамъ сыщикъ собралъ бутарей,
Чтобъ мнѣ не попасться, лети же скорѣй!
— Да что ты? все тихо въ ночной тишинѣ,
То сосны сухія стоятъ въ сторонѣ.—

«Ты съ кассою скрылся, такъ лучше постой!
Неволей иль волей, а будешь ты мой!»
— Ямщикъ! этотъ сыщикъ насъ хочетъ догнать,
Схватить меня, крѣпко сейчасъ-же связать!

Ямщикъ оробѣлый не скачетъ—летитъ:
Сѣдокъ же тоскуетъ, но ужь не кричитъ;
Ямщикъ погоняетъ, ямщикъ доскакалъ...
Въ кибиткѣ лишь ларчикъ разбитый лежалъ.

А. Д—жій.

Кто съ чѣмъ, а наша Дума какъ съ писанной торбой со своими коммисіями. Диковинное дѣло, что за коммисія, Создатель... Москвѣ съ думскими коммисіями! Право, думскія коммисіи должно быть пользуются какимъ нибудь жизненнымъ элексиромъ. Живучесть необъяснимая. Приходится понимать слово «коммисія» а la грибоѣдовскій Фамусовъ, тогда конечно онѣ не оставляютъ желать ничего большаго. И не будемъ, читатель, желать ничего большаго—мало что ли у насъ проволочекъ бываетъ? Пыхтитъ, пыхтитъ коммисія надъ какимъ нибудь вопросомъ, наконецъ представитъ докладъ Думѣ, тамъ преніе, или вѣрнѣе *прѣніе* начнется и въ концѣ концовъ вопросъ останется вопросомъ. И все-то у насъ вопросы, все-то вопросы, и все-то отвѣтовъ нѣтъ на нихъ. Почему бы такъ? А не потому ли, что въ Думѣ:

Слышимъ мы заурядъ,
Какъ въ собраньи мудрятъ
И хитрятъ, и острятъ,
И другъ друга корятъ,
И всѣ вдругъ говорятъ,
Говорятъ, говорятъ...

Этотъ колетъ того
Изъ-за «я» своего;
Тотъ рычитъ на него,
И въ концѣ изъ всего
Выйдетъ вдругъ ничего,
Ничего, ничего...

Мало ли, кажется, наши мостовыя подставляютъ знаковъ москвичамъ? такъ нѣтъ, мало этого и для Думы нашей онѣ составляютъ какой-то безотвѣтный знакъ вопросительный. Мудрененько рѣшить, что труднѣе: бокамъ ли москвичей поладить съ мостовыми, или Думѣ поладить съ вопросомъ о нихъ. Какъ бы тамъ ни было, члены москвичей ноютъ отъ мостовыхъ, члены (гласные) Думы ноютъ отъ вопроса о нихъ. Вопросъ о мостовыхъ, вопросъ, такъ сказать, насущный, нужно его рѣшать скорѣе, а въ газетахъ утѣшаютъ насъ, что «*если, чего Боже избави, дѣло пойдетъ и дальше тѣмъ же порядкомъ, то обсужденіе доклада о мостовыхъ не кончится и къ осени*» (*). Заглянемъ же хоть однимъ глазкомъ, какъ идетъ это обсужденіе. Коммисія представляетъ докладъ, г. Осиповъ пытается доказать, что хозяйственное мощеніе лучше подряднаго. Гласные князь Щербатовъ и г. Самаринъ опровергаютъ его, г. Строльманъ опровергаетъ его, а г. Петунниковъ прямо заявляетъ, что справки г-на Осипова невѣрны и цифра доклада «искуственно» составлена. Преніе ростетъ, переходитъ въ потѣніе и «*въ собраніи поднялся глухой ропотъ — признакъ, что гласные недовольны завязавшимися преніями*» (**). Началъ рѣчь г. Ѳ. Поповъ. Говорилъ очень хорошо, но удалился отъ предмета и предсѣдатель (г. Сумбулъ) прервалъ оратора, предложивъ перейти къ обсужденію другихъ пунктовъ...

При обсужденіи пятаго пункта выяснилось, что *коммисія нашла нужнымъ разрѣшить Управѣ то, что никогда не было ей запрещено, т. е. представленіе Думѣ докладовъ.* Пунктъ не нужный ни на что, слѣдовало бы идти дальше, но г. Осиповъ началъ доказывать, что «*разрѣшить*» значитъ «*заставить*». Гдѣ ораторъ пріобрѣлъ почву для постройки своихъ доказательствъ, о томъ мы говорить не будемъ. Скажемъ однако, опираясь на газеты, что г. Осиповъ защищалъ свой взглядъ на однородность словъ «разрѣшить» и «заставить» очень усердно, нѣсколько разъ перебивалъ рѣчи другихъ гласныхъ (гг. Наумова и Попова) и самого предсѣдателя и... «*наконецъ предсѣдатель позвонилъ къ порядку*». Г. Калашниковъ, защищая докладъ, далъ возможность г-ну Щепкину замѣтить, что ораторъ «*говоритъ какъ разъ противъ того положенія, которое защищаетъ*». Пренія о томъ, одно ли и тоже «разрѣшить» и «заставить» пошли въ гору и среди гласныхъ послышалось: «*баллотировать! баллотировать!*» Слѣдующимъ пунктомъ коммисія разрѣшаетъ Управѣ выдавать за камень квитанціи, *съ правомъ передачи ихъ третьему лицу.* Отъ такого пониманія статей Городоваго Положенія отказываются нѣкоторые гласные и въ томъ числѣ

(*) „Русскія Вѣдомости". (**) Тамъ же.

гг. Наумовъ и Щепкинъ. Г. Осиповъ вновь пытается доказать, что такія квитанціи Управа выдавать можетъ и ссылается на какихъ-то юристовъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ. Господина Осипова убѣждаютъ. Споръ опять пошелъ въ гору. По газетнымъ отчетамъ: «гласные, (какъ напр. г. Кузнецовъ) *самымъ непозволительнымъ образомъ* перебиваютъ своихъ товарищей! Г. Грудевъ *волновался и дергалъ за рукавъ предсѣдателя*. Среди собранія послышались крики: «*довольно! довольно!*» Не смотря на непозволительныя перебиванія, на волнованія и на дерганія за рукавъ предсѣдателя, право передачи урѣзывается. Въ редакцію квитанцій по иниціативѣ г-на Самарина вносится слово «принятый». Пренія поднимаются вновь. Г. Осиповъ доказываетъ, что это лишнее, что если камень *купленъ*, но не принятъ, значитъ онъ *не купленъ!*... Обсуждается седьмой пунктъ: о пріемкѣ Управою камня зимой. Напрасно гг. Петунниковъ, Строльманъ, предсѣдатель и наконецъ призванный въ собраніе инженеръ г. Семеновъ убѣждали г-на Осипова, что зимою камень принимать нельзя, что его зимой не раскалываютъ на мелочь, что къ нему примѣшивается глина и обледенѣлая земля, что качество его опредѣлить въ зимнее время невозможно,—все было напрасно! Г. Осиповъ твердо заявляетъ, что онъ «убѣжденъ» въ возможности и требовалъ произвести опытъ.

— «Въ кучахъ-то камень обледенѣетъ или нѣтъ? спрашивалъ г. Осиповъ.

— «О какихъ кучахъ вы говорите? недоумѣвалъ инженеръ г. Семеновъ.

— «Нѣтъ, вы отвѣчайте: обледенѣетъ или нѣтъ? стоялъ на своемъ г. Осиповъ.

И говорили объ этихъ кучахъ до тѣхъ поръ, пока въ собраніи осталось всего двадцать семь гласныхъ и... пришлось его закрыть!

Вотъ какъ добывается
Истина изъ словъ,
Вотъ что называется
Преньемъ русаковъ!
Было бы хотѣніе,—
Маху не дадимъ—
Преніе въ потѣніе
Живо обратимъ.
Вотъ какъ выжимается
Сокъ-то въ головѣ,
Вотъ что называется
Преніемъ въ Москвѣ!

О потѣніи... тьфу! о преніи по Покровской линіи конки вы уже конечно знаете. Знаете, что большинство москвичей, узнавъ о предполагаемомъ закрытіи этой линіи, возроптало и... конечно смѣетесь надъ этимъ ропотомъ. Еще бы! какъ же не смѣяться. Что за сибаритство такое ѣздить за пятачекъ въ каретѣ. Спартанская выносливость лучше сибаритства. Хочешь ѣздить—имѣй своихъ лошадей. Странный народъ! Открыли въ Москвѣ конку и думаютъ, что ее для дѣла открыли. А того не понимаютъ, что эта штука такъ ради потѣхи придумана, какъ напримѣръ, качели на масляной. Потѣшились и довольно.

Москвичъ, въ путь дальній собираясь,
Отъ конки помощи не жди,
На крѣпость мышцъ лишь опираясь,
Пѣшечкомъ, милый другъ, ходи.

Забудь о конкѣ, въ путь сбираясь,
Пятакъ свой кровный сбереги,
И, отъ шаганія замаясь,
Въ питейный выпить забѣги...

А кто лѣнивъ, отъ Маросейки
Найдетъ возможность ѣхать онъ,—
Безъ конки вновь народъ линейки
Потащатъ будто съ похоронъ.

Въ распоряженьи томъ безъ шума
Увидимъ мы ансамбля власть:
Москвѣ, рѣшила наша Дума,
Линейки болѣе подъ масть.

Соображаясь съ мостовыми и кой съ чѣмъ другимъ, оно такъ и выходитъ.

Удивительно, какъ всѣ линіи конки не уничтожатъ, не то выходитъ нѣчто несообразное. Видишь, напримѣръ, конножелѣзную дорогу и соображаешь: стой—вѣдь это Европой пахнетъ, вдругъ крыша въ рядахъ провалится,—пахнетъ... коммисіей. Не только всей Москвѣ, ряды кажется сами себѣ наскучили и давай рѣшать вопросъ о себѣ самымъ безповоротнымъ образомъ. Узенькій рядъ намекалъ, намекалъ объ этомъ, кидая въ макушки прохожихъ кирпичи и подпорки — не помогло. Наконецъ Серебряный рядъ не выдержалъ и первый подалъ примѣръ, свaливъ съ себя крышу съ балками и прочими принадлежностями.

Хвалить за то можно наврядъ,
Но все же воскликнешь невольно;
Спасибо, Серебряный рядъ,
Хоть ты поступилъ своевольно.

Всю крышу сваливъ съ высоты,
Хотя отличился безъ шику,
Коммисію задалъ, братъ, ты
Всей думской коммисіи въ пику.

Можно, значитъ, надѣяться, что вопросъ о рядахъ началъ разрѣшаться, можно надѣяться, что съ легкой руки Серебрянаго и другіе ряды начнутъ сваливать свои крыши, но ходить въ ряды, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ.

Крыши сваливаются, слѣдовательно вопросъ о рядахъ становится «открытымъ.»

Не открытъ къ сожалѣнію шутникъ, пустившій утку въ газеты о крушеніи поѣзда на желѣзной дорогѣ близь Фастовской станціи. Что нибудь изъ двухъ: или этотъ шутникъ былъ человѣкъ очень умный и крушеніе произошло въ его чердакѣ, или онъ родился невмѣняемымъ до всякаго умственнаго крушенія. Однимъ словомъ — догадался.

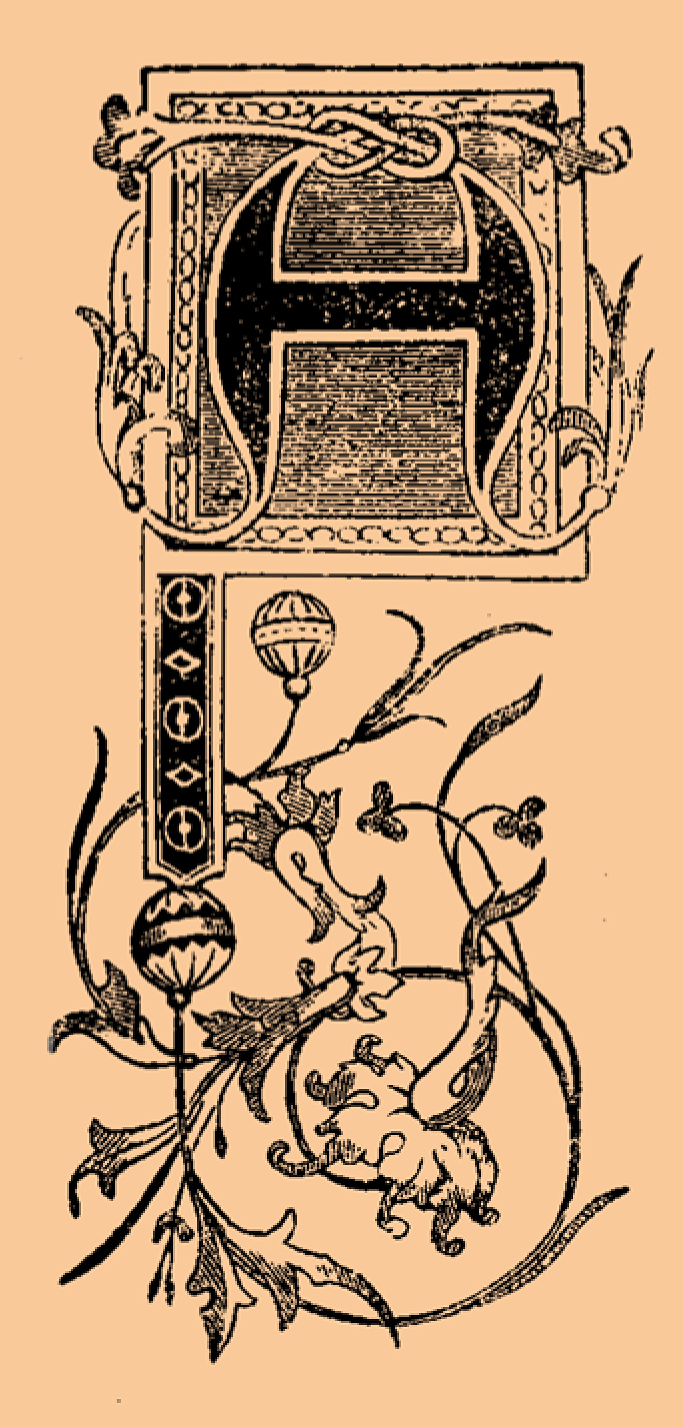
Шутки ради онъ въ газету
Ложно настрочилъ,
Что на поѣздъ поѣздъ гдѣ-то
Лихо наскочилъ.

Шумъ поднялся безъ умолку,
А виновникъ вракъ
Лишь смѣется въ тихомолку,
Этакій......

Шутникъ, не правда-ли?...

Въ слѣдующій разъ, читатель, мы съ вами совершимъ экскурсію по нашимъ увеселительнымъ садамъ. Начнемъ конечно съ сада «Эрмитажъ», которому въ настоящій сезонъ по праву принадлежитъ первое мѣсто, какъ по составу труппы и программѣ гуляній, такъ и потому, что онъ первый открылъ двери лѣтняго сезона.

—ковъ.

РАБЕСКИ

Докладъ о мостовыхъ и заблужденіе относительно этого доклада. — Лапы или руки? — Что означаетъ слово: „подрядчикъ“.

Въ 114 № «Русскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ разборъ «доклада о мостовыхъ». Докладъ этотъ, напечатанный въ «Извѣстіяхъ Московской Думы» отличается замѣчательной игривостью выраженій, пріятной шаловливостью смысла, легкимъ кокетствомъ съ граматическими правилами и величавой, но очень милой, холодностію къ услужливымъ обязательствамъ синтаксиса, что вмѣстѣ взятое и привело въ смущеніе и даже ошибочное негодованіе неизвѣстнаго репортера «Русскихъ Вѣдомостей», который не разобравъ всей соли остроумія и игривости «доклада» назвалъ его «скандально-безграмотнымъ». Не раздѣляя, ни при какихъ условіяхъ ошибочнаго мнѣнія неизвѣстнаго автора замѣтки о «докладѣ» и скорбя о его невольномъ заблужденіи, которое можетъ показаться не особенно пріятнымъ не только составителямъ «доклада», но и самому автору замѣтки, если онъ будетъ оставленъ при томъ ложномъ мнѣніи, которое выражено имъ въ 114 № «Русскихъ Вѣдомостей», я рѣшился не задѣвая даже самыхъ наитончайшихъ струнъ самолюбія обѣихъ сторонъ объяснить репортеру «Русскихъ Вѣдомостей» тѣ мѣста «доклада», которыя онъ почему то называетъ «брилліантами безграмотности». Приступаю къ дѣлу. *Брилліантъ первый:* «При томъ *убѣжденіи* на хозяйственное веденіе городскихъ дѣлъ, какое существуетъ у насъ и т. д...» Въ этомъ мѣстѣ составители «доклада» *нарочно* пропустили одно слово, безъ котораго смыслъ этого «указанія» становится дѣйствительно нѣсколько тёменъ и самая постройка рѣчи получаетъ нѣкоторую весьма простительную неправильность, благодаря которой самолюбіе кого слѣдуетъ—и національная гордость тоже кого слѣдуетъ остаются неприкосновенными. Если бы это мѣсто «доклада» было написано, напримѣръ такъ: «При существующемъ въ настоящее время убѣжденіи въ какой-то неправильности расходованія городскихъ суммъ и т. д.» тогда не были бы сохранены ни самолюбіе кой кого ни національная гордость очень многихъ, что вредно отозвалось бы на всѣ коммисіи вообще и поколебало бы то гражданское мужество, которое заявляетъ себя въ извѣстныхъ формахъ и извѣстными лицами, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, на пространствѣ между Бутырской заставою и Охотнымъ рядомъ. *Брилліантъ второй:* «У одного изъ московскихъ жителей есть имѣніе, которое онъ въ лѣтнее время посѣщаетъ и слѣдовательно *которому* (т. е. имѣнію) вся эта мѣстность знакома. «...Почему же и не выразиться такъ, какъ выражено въ «докладѣ»? Опять таки тутъ видна вѣжливая дипломатическая осторожность, облеченная въ игривую форму. Вѣдь говорится же: «Москва насъ знаетъ», при чемъ не указывается *кто именно* знаетъ васъ въ Москвѣ. Такъ почему же не сказать, что такая-то мѣстность извѣстна такому-то имѣнію? Далѣе вы нападете на слѣдующія выраженія «доклада»: «Правильная точность», «ѣзда спокойная *по случаю* эластичности»... Развѣ не бываетъ «неправильной точности» или «точной неправильности»? На каждомъ шагу бываетъ. Вспомните Юханцева, Струсберга, Ландау и другихъ—и успокойтесь. Юханцевъ совершилъ «неправильную точность»; и другой, такой же Юханцевъ, на его мѣстѣ, при той халатности гг. членовъ къ своему дѣлу, какую мы видимъ въ этой «современной исторіи» сдѣлалъ бы *точно* такъ же. Что же касается *«случая*

Папаша. Помни правило: никогда не откладывай до завтра того, что можешь сдѣлать сегодня.

Сынокъ. Слушаю, папаша. Сегодня же съѣмъ конфекты, которыя мнѣ приготовили къ завтрашнему дню.

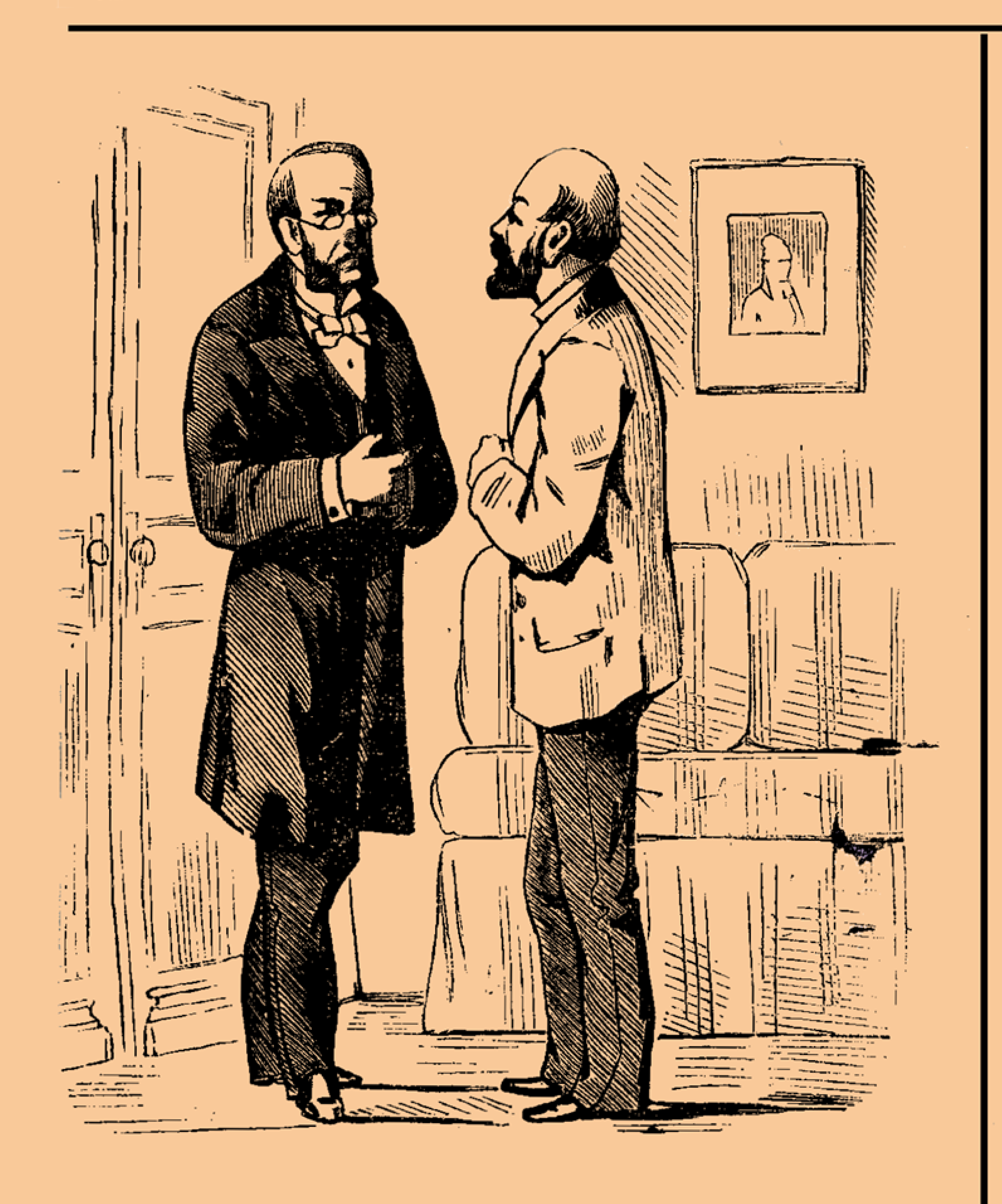
Баринъ (читаетъ вслухъ). Любезный Иванъ Петровичъ, посылаю тебѣ съ моимъ дворникомъ эпистолу...

Дворникъ (прерывая). Виноватъ, сударь эвто что они пишутъ насчетъ пастилы, ничего эвтого не было, акромя письма, мнѣ никакой пастилы не давали.

эластичности», то форма этаго выраженія такъ обыкновенна, что имѣетъ всѣ права гражданства—и, вѣроятно, вамъ не разъ случалось читать объявленія въ родѣ слѣдующаго: «такая-то библіотека *по случаю* праздника будетъ закрыта». На дѣлѣ же оказывается, что тутъ никакого случая нѣтъ: праздникъ-то не переходящій! Равно же и другія указанія почтеннаго репортера «Русскихъ Вѣдомостей» не отличаются тѣмъ характеромъ, какой хотѣлось бы въ нихъ видѣть, что и доказываетъ не совсѣмъ ясное пониманіе высокаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ дипломатически-деликатнаго направленія «доклада о мостовыхъ», который отличаясь несомнѣнными качествами образцоваго слога, имѣетъ за собой и по другимъ причинамъ всѣ шансы на полное оффиціальное вниманіе и утвержденіе; тѣмъ вѣроятнее такое предположеніе, что и менѣе достойныя утвержденія акты получали извѣстную законность и, такимъ образомъ, приводились въ дѣйствіе; напримѣръ, всѣмъ извѣстное духовное завѣщаніе помѣщицы Устюжскаго уѣзда Евдокіи Малафѣевны Мериновой, подписанное завѣщательницею такимъ образомъ, что взамѣнъ христіанскаго имени: Евдокія, которымъ и слѣдовало бы подписаться покойницѣ подъ актомъ, красовалось весьма простое слово: «обмокни», что однако не помѣшало признать завѣщаніе дѣйствительнымъ и выдать, согласно волѣ завѣщательницы, родному ея племяннику Хрисанфію Петровичу Бурдюкову три стаметовыя юбки.

—

По словамъ того же репортера «Русскихъ Вѣдомостей», который такъ ошибочно и неосторожно напалъ на знаменитый по смыслу и слогу «докладъ о мостовыхъ», въ засѣданіи Московской Думы 2-го апрѣля произошелъ между двумя гласными: гг. Осиповымъ и Епанешниковымъ физіологическій диспутъ о томъ, что у крупныхъ подрядчиковъ, какъ гласно утверждалъ г. Епанешниковъ, нѣтъ рукъ, а есть лапы,—на что г. Осиповъ благоразумно возразилъ, что у этого класса людей такія же руки какъ и у него, г-на Осипова, а ничуть не лапы. Это вполнѣ справедливое возраженіе г-на Осипова, къ сожалѣнію, не нашло себѣ поддержки въ остальныхъ присутствующихъ на диспутѣ членахъ, которые, вопреки ожиданіямъ каждаго здравомыслящаго человѣка, встрѣ-

Докторъ. Все идетъ своимъ порядкомъ, только не понимаю что за странная мысль и боязнь у вашей супруги, чтобы ребенокъ не вышелъ похожъ на плѣннаго Мустафу.

— Гдѣ проведешь ты это лѣто?
— Думаю ѣхать къ родственникамъ въ Полтаву. Мнѣ говорили, что тамъ въ окрестностяхъ есть, не знаю какая-то, богатая и прекрасная Флора. Можетъ быть, удастся понравиться ей, а для моихъ пустыхъ кармановъ такая жена какъ разъ пришлась бы кстати.

тили слова г-на Осипова такимъ дружнымъ смѣхомъ, что для прекращенія этой неумѣстной веселости понадобился звонокъ г-на предсѣдателя. (См. «Русскія Вѣдомости № 114). Оставляя этотъ, весьма важный въ наше время, вопросъ открытымъ я спѣшу заявить гг. Осипову и Епанешникову, что по моему разумѣнію въ вышесказанномъ физіологическомъ диспутѣ часть правды пала на долю г-на Епанешникова—и часть правды пала на долю г-на Осипова, но въ общемъ опредѣленіи немножко ошибается г. Епанешниковъ, равно такъ же немножко ошибается и г. Осиповъ—такъ какъ у крупныхъ подрядчиковъ нѣтъ ни рукъ безъ лапъ, ни лапъ безъ рукъ—а есть то и другое вмѣстѣ: т. е. у нихъ имѣются *лапистыя руки*, а не просто лапы или руки. Таковое мое мнѣніе и повергаю на разсмотрѣніе гг. членовъ Московской Думы. Что же касается до самого слова «подрядчикъ» то хотя это слово и не было предметомъ разсужденій гг. Осипова и Епанешникова, но предполагая, что ихъ любознательность обогатится новымъ полезнымъ свѣдѣніемъ, позволяю себѣ сообщить гг. гласнымъ и негласнымъ, что слово «подрядчикъ» означаетъ человѣка *дающаго подъ рядъ* одно дурное—и берущаго за это дурное, тоже *подъ рядъ* одни рубли, безъ копѣекъ; впрочемъ и послѣднія находятъ себѣ мѣсто въ карманѣ подрядчика. «Раціональная экономія допускаетъ подрядъ только съ самими производителями требуемыхъ предметовъ, а не съ третьимъ лицомъ, берущимъ на себя ихъ поставку.» т. е. не съ тѣмъ человѣкомъ, который имѣетъ *лапистыя руки*. Но это все вздоръ! Не вѣрьте. Мало ли что говоритъ «Раціональная экономія», мало ли что пишутъ въ разныхъ книжкахъ, пусть ихъ пишутъ! И я эту «Раціональную экономію и самъ не уважаю, а такъ къ слову привелъ.

Енъ.

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА
ВЪ МОСКВѢ.

Артистическій Кружокъ не перестаетъ изумлять Москву безцеремонностью совѣта старшинъ его со своими членами. Деньги собраны съ членовъ, клубъ якобы существуетъ, а помѣщенія для клубныхъ вечеровъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Гг. новые хваленые старшины этого клуба, обѣщавшіе возстановить совсѣмъ померкнувшій авторитетъ Кружка, начали съ того, что въ угоду кому-то

закрыли входъ въ зимнее помѣщеніе Кружка, стоящее все равно оплоченнымъ, на деньги тѣхъ же членовъ, и объявили о переходѣ клуба въ лѣтнее помѣщеніе въ саду «Эрмитажъ». Изгнали т. е. членовъ изъ сухаго и удобнаго помѣщенія въ холодъ, грязь, сырость (потому весны еще вовсе нѣтъ), заявляя себя въ этомъ случаѣ прямыми какъ бы недоброжелателями членовъ, выбравшихъ ихъ въ старшины, а не радѣтелями объ интересахъ членовъ.

Премудрые гг. старшины словно бы нашли несравненно разумнѣе помирволить удобству буфетчика этого клуба, снявшему буфетъ и въ саду Эрмитажъ, чѣмъ сберечь здоровье всѣхъ своихъ членовъ, т. е. продали какъ бы самые насущные интересы членовъ—условія чисто гигіеническія.

Этимъ однимъ однако не ограничилось. Своеобразная заботливость объ интересахъ Кружка (?) этихъ же гг. старшинъ проявилась еще рельефнѣе изобрѣтеніемъ особаго налога съ членовъ, и налога весьма солиднаго, въ пользу отнюдь не кассы Кружка, а кассы г-на Лентовскаго. Г-ну Лентовскому нужно было право давать ежедневныя представленія во весь лѣтній сезонъ; Кружокъ имѣетъ это право, но не имѣетъ средствъ имъ пользоваться и вошелъ въ конвенцію съ г-мъ Лентовскимъ. По силѣ этой конвенціи, за предоставленіе этого права г-ну Лентовскому на все лѣто), членамъ Кружка выговорено право: 1) бывать безплатно въ саду Эрмитажъ во все лѣто и 2) два раза въ недѣлю, въ членскіе дни, по понедѣльникамъ и субботамъ бывать безплатно въ театрѣ. Все какъ будто до-нельзя выгодно постановлено для членовъ Артистическаго Кружка. На дѣлѣ однако выходитъ, что не только пользоваться правомъ видѣть спектакль даромъ въ членскіе дни, но члену Кружка быть въ лѣтнемъ помѣщеніи своего клуба, куда взносъ давнымъ давно оплоченъ, нельзя иначе, какъ предъявляя всякій разъ свою членскую книжку. Не захвативъ съ собою эту книжку, плати рубль за входъ, плати, хоть бы ты былъ ежедневнымъ посѣтителемъ Кружка, его наидѣйствительнѣйшимъ членомъ. Исключеніе—въ пользу однихъ только старшинъ-распорядителей. Расчитано, значитъ, прямо за мѣста па солидную контрибуцію съ членовъ во все лѣто, потому—не захватить съ собою книжку, когда ѣдешь *въ свой* клубъ, гдѣ человѣкъ состоитъ членомъ нѣсколько лѣтъ и гдѣ его лично знаетъ весь штатъ клуба—весьма немудрено. Можно ли изобрѣсть что либо безсмысленнѣе или пристрастнѣе въ пользу антрепренера сада? При ежедневныхъ посѣщеніяхъ членами клубовъ (въ зимнихъ помѣщеніяхъ) билетовъ каждый разъ не спрашиваютъ, знаютъ въ лицо всѣхъ членовъ тѣ же оффиціанты клуба. Но видно все то, что практикуется во всѣхъ клубахъ, непримѣнимо къ Артистическому Кружку, потому во всѣхъ другихъ клубахъ старшины стоятъ незыблемо за интересы членовъ клуба, а старшины Артистическаго Кружка стоятъ какъ бы исключительно за интересы то откупщика клуба г-на Вильде, то за интересы буфетчика, чтобы ему на два помѣщенія не разбиваться, то за выгоды г-на Лентовскаго, чтобы ему получить въ теченіе лѣта побольше входныхъ рублевокъ и съ членовъ, сдѣлавшихъ уже, или лучше сказать имѣвшихъ неосторожность сдѣлать членскіе взносы въ этотъ злощастный клубъ.

Въ день открытія лѣтняго помѣщенія Артистическаго Кружка, 1-го мая, самъ дежурный старшина Кружка г. Шереметевскій стоялъ у входа въ садъ въ группѣ молодцовъ, получавшихъ входные билеты отъ посѣтителей, и чрезвычайно ревностно соблюдалъ интересы г-на Лентовскаго: заставлялъ платить рублевки всякаго члена, не захватившаго съ собой членскую книжку, хотя бы таковой членъ былъ давнѣе членомъ Кружка, чѣмъ самъ г. Шереметевскій.

Такъ заявилъ себя одинъ изъ новаго персонала кружковскихъ старшинъ. Публика, видя его старательность въ пользу г-на Лентовскаго, не вѣрила, что это *старшина отъ Кружка*, а сочла его за оберъ-молодца со стороны г-на Лентовскаго.

Одинъ изъ членовъ.

ПѢСНЬ О ГОРЕМЫЧНОМЪ КЛУБѢ

Какъ артистъ
Свѣжъ и чистъ,
Ты на свѣтъ родился;
Но съ тѣхъ поръ,—
(Не въ укоръ!)—
Какъ ты измѣнился!

Какъ ни кинь,
Всюду клинъ,
Всюду перемѣны:
Говорятъ,
Норовятъ
Писаря ужь въ члены.

Наплевать
Тебѣ, знать,
На людское мнѣнье,—
Въ тяжкій сонъ
Погруженъ,
Ждешь ты пробужденья!

Го-го.

Парижская всемірная выставка

ОТЪ НАШЕГО СОБСТВЕННАГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Сознавая важное значеніе выставокъ вообще и всемірныхъ въ особенности, редакція «Развлеченія» озаботилась доставленіемъ своимъ читателямъ правильнаго отчета о настоящей парижской всемірной выставкѣ. Строго выбирая корреспондента, которому можно бы безошибочно поручить столь важную миссію, редакція для этой цѣли пригласила виконта Се-не-па-вре, корреспонденціи котораго и начнутся печатаніемъ съ этого нумера. Редакція считаетъ нужнымъ заявить, что виконтъ Се-не-па-вре обладаетъ непролазными техническими знаніями и хорошо знакомъ съ Россіей. Переводъ корреспонденцій виконта Се-не-па-вре обязательно принялъ на себя достопочтеннѣйшій мичманъ Жевакинъ.

Письмо первое.

На Трокадеро масса построекъ. Глядя на нихъ, не знаешь, чему болѣе удивляться: этимъ ли гигантски-изящнымъ сооруженіямъ, или необъяснимо странной дырѣ московскаго Артезіанскаго колодезя. Главное зданіе, какъ уже извѣстно, предположено не сносить послѣ выставки, но оставить. Нужно отдать справедливость, зданіе это способно простоять очень долго. Конструкція его кажется настолько прочною, что ни время, ни даже усилія вашей думской коммисіи перестройки рядовъ неспособны поколебать его. Посѣтителей на выставкѣ множество—больше нежели кредиторовъ у московскаго Артистическаго Кружка. Выставка хотя открыта, но готова еще не вполнѣ. Впрочемъ обѣщаютъ, что всѣ отдѣлы будутъ готовы очень скоро. Чтобы дать вамъ болѣе ясное понятіе о поспѣшности, съ которою хотятъ окончательно устроить выставку, скажу, что я слышалъ отъ человѣка заслуживающаго довѣрія, будто выставка будетъ окончательно отдѣлана прежде нежели у васъ три-четыре акціонерныя общества успѣютъ отдѣлать своихъ акціонеровъ. По истинѣ такая поспѣшность заслуживаетъ вниманія. Теперь же хотя экспоненты спѣшатъ опустошать присылаемые ящики съ быстротою вашихъ кассировъ, опустошающихъ общественные сундуки, во многихъ отдѣлахъ существуетъ хаосъ, напоминающій нѣкоторыя московскія торговыя администраціи. Кладь, адресованная на выставку, продолжаетъ прибывать и до сихъ поръ. Кстати разскажу здѣсь одинъ случай. Принимая одинъ транспортъ вещей, бюро выставки было крайне удивлено, получивъ изъ Москвы, между прочими вещами, 1 боченокъ огуречнаго разсола, 1 боченокъ клюковнаго морса, 1 боченокъ квасу и 1 кадушку кислой капусты. Марка на всѣхъ четырехъ мѣстахъ была одна и та-же и бюро выставки было поставлено въ немалое затрудненіе, не найдя въ спискѣ экспонентовъ фамиліи, соотвѣтствующей маркѣ. Наконецъ все объяснилось тѣмъ, что транспортная контора ошибкой доставила на выставку частную кладь. Все дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что одинъ московскій купецъ, желая посѣтить выставку, отправилъ впередъ вышепоименованные предметы, какъ необходимыя ему по утрамъ средства для приведенія себя въ порядокъ послѣ подпитія.

Русскихъ экспонентовъ много, русскихъ посѣтителей съѣхалось тоже довольно, но о тѣхъ и другихъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Письмо второе.

Оканчивая предъидущее письмо, я обѣщалъ вамъ дать отчетъ о русскихъ экспонентахъ. Прежде нежели начать подробный отчетъ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о предметахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія и преимущественно выставленныхъ московскими экспонентами. Первое мѣсто въ этой группѣ я долженъ отдать выставленному Москвою *духу Охотнаго ряда*. Для него выстроенъ особый герметически закрытый павильонъ, чисто въ русскомъ стилѣ. Посѣтители всѣхъ націй очень интересуются имъ и не могутъ уяснить себѣ, для чего онъ нуженъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что онъ не можетъ быть экспертированъ, такъ какъ ни одинъ изъ экспертовъ не берегъ на себя этого, благодаря спиртуозности продукта. Отсутствіе экспертизы вѣроятно будетъ причиной, что продуктъ и его производитель не получатъ должной награды. Обращаетъ на себя вниманіе публики *капля воды*, добытая изъ московскаго Артезіанскаго колодезя. Знатоки дѣла утверждаютъ, что капля эта стоитъ очень дорого и что если бы она могла окаменѣть, то должна получить видъ мутнаго топаза. *Тараканы*, выставленные г-мъ Филипповымъ изъ Москвы, группируютъ около себя толпы любопытныхъ и даютъ поводъ къ разнаго рода удивленіямъ. Такъ одни удивляются, принимая за чистую монету пуфъ, будто въ Москвѣ ѣдятъ тараканов съ калачами и что это составляетъ любимое лакомство обитателей бѣлокаменной. Другіе не могутъ понять, почему этихъ насѣкомыхъ въ Москвѣ разводятъ нигдѣ въ иныхъ мѣстахъ, но въ пекарняхъ. Всѣхъ предположеній о якобы настоятельной въ Москвѣ необходимости разведенія таракановъ не переслушаешь. *Сгущенный воздухъ*, выставленный московскимъ товариществомъ ассенизаціи, не хотѣли было вовсе пускать въ Парижъ и остановили за тридцать льё, но затѣмъ допустили на выставку изъ уваженія къ продукту, составляющему рѣдкость бѣлокаменной столицы. Не могу сказать, чтобы продуктомъ этимъ особенно восторгались, но онъ составляетъ предметъ удивленія.

Жидъ, выставленный Москвою, замѣчателенъ тѣмъ, что три-четыре раза мѣнялъ вѣроисповѣданія и все-таки остался жидомъ.

Продолженіе я принужденъ отложить до слѣдующаго письма, такъ какъ мнѣ сообщили, что сейчасъ привезли на выставку изъ Москвы купца, который торговалъ пятьдесятъ лѣтъ и ни разу не обанкрутился и я тороплюсь посмотрѣть эту рѣдкость.

Виконтъ Се-не-па-вре.

Переводилъ (бумагу) Мичманъ Жевакинъ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ ДАЧНИКАМЪ С. БОГОРОДСКАГО

Наступили теплые майскіе дни, а вслѣдъ за ними у многихъ явилось желаніе скорѣе покинуть зимнія квартиры и переѣхать на лѣтнія. И вотъ вереницы фуръ и возовъ потянулись по пыльному сокольничьему шоссе...

Владѣльцы вновь строющихся дачъ спѣшатъ кое-какъ скорѣй привести къ концу начатыя ими постройки, не заботясь о томъ, что онѣ вслѣдствіе этого выходятъ сдѣланными «на живую нитку»; но, не смотря на это, и на повышеніе противъ прошлогодняго на нихъ цѣнъ за наемъ—дачи, благодаря причинъ, вызванныхъ толками объ эпидемическихъ болѣзняхъ, занимаются успѣшно.

Если кому изъ насъ, москвичей, приходилось лѣтнее время пользоваться дачною жизнію въ с. Богородскомъ, или даже не живущимъ—заглянуть въ этотъ скученный уголокъ, вмѣщающій въ себя не одну тысячу жителей, то мы не могли не убѣдиться въ нерадивомъ соблюденіи гигіеническихъ условій. Войдите на задній дворъ дачи, вы непремѣнно будете обданы міазмами, испаряющимися изъ неприкрытыхъ ничѣмъ помойныхъ ямъ, которыя въ большинствѣ случаевъ вырываются не глубже полутора аршинъ (не говоря уже о ретирадныхъ мѣстахъ, которыя содержатся если только не хуже, то во всякомъ случаѣ не лучше первыхъ), а о дезинфекціи какъ тѣхъ такъ и другихъ, едва-ли кому приходила мысль. Видя отсутствіе желанія со стороны хозяевъ дачъ принять какія либо мѣры къ улучшенію этихъ мѣстъ, остается указать нанимающимъ на нѣкоторыя мѣры, которыя въ этомъ случаѣ могутъ быть приложимы.

Если на устройство баловъ и спектаклей по подпискѣ сумма достигаетъ до тысячи рублей, то нѣтъ сом нія, что для этой цѣли она также найдется; а ея достаточно будетъ и четвертой части.

Мы предложили-бы дачникамъ с. Богородскаго слѣдующее: собрать по подпис денегъ на пріобрѣтеніе дезинфекціонныхъ матеріаловъ; выбрать изъ среды своей распорядителя и къ нему нѣсколько помощниковъ. Первому поручить распоряженіе собранною суммою и пріобрѣтеніемъ матеріала, а послѣднимъ—нанятіе рабочихъ людей, выдачу имъ матеріала и надзоръ по исполненію въ назначенномъ для каждаго участкѣ. На обязанность работника возложить: раза два въ день обходить свой участокъ и посыпать помойныя ямы и ретирадныя мѣста порошкомъ.

Въ прійсканіи рабочихъ затрудненія встрѣтиться не можетъ: тотъ же дачный сторожъ или дворникъ, за небольшое вознагражденіе, съ удовольствіемъ приметъ на себя трудъ исполнить эту столь несложную работу, и тогда дачнику предоставится полная возможность проходить своимъ дворомъ, не ощущая ни малѣйшаго зловонія.

Ф.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.